

У Троицы.

Впечатлѣнія богомольца, бывшаго студента М. Академіи.

I.

Суббота, 5 октября 1913 года. Ярославскій вокзалъ въ Москвѣ. Поѣздъ на Сергіево долженъ отправиться въ 9 часовъ вечера. Сидимъ и дожидаемся. Когда ѣдешь по Николаевской дорогѣ, то на вокзалъ, въ Москвѣ видишь: солидныхъ чиновниковъ—лысыхъ, спокойныхъ, съ аккуратно подстриженными бакенбардами, бородами и усами,—много военныхъ—съ гремящими по полу шпагами, въ какихъ-то особенныхъ фуражкахъ,—барынь—съ закутанными въ крепъ головами; на Брестскомъ (теперь Александровскомъ) вокзалѣ блестятъ заграничные цилиндры, шныряютъ еврейчики; на Рязанскомъ—армяне, восточные человѣки, бурки, бешметы, кинжалы... На Ярославскомъ вокзалѣ публика чинная и степенная: купеческое семейство, размѣстившееся около круглаго стола и пьющее чай изъ двухъ чайниковъ—маленькаго и большого,—духовныя лица, удобно и тепло одѣтая, сидящія на мягкихъ диванахъ широко и глубоко,—монахины—съ узкими и длинными лицами, строго обрамленными черными платками,—старыя барыни, которыя постоянно рожутся въ мѣпочкахъ и сверточкахъ, что-то пережевываютъ, пугаются звонковъ и грохота подходящаго поѣзда, подозрительно оглядываютъ и провожаютъ взоромъ всякаго проходящаго мужчину, боясь, очевидно, жуликовъ...

Какъ незамѣтно промелькнули 26 лѣтъ! Точно вчера было 12-е августа 1887 года, когда я съ новенькимъ брезенто-

вымъ чемоданомъ пробирался съ Рязанскаго на Ярославскій вокзалъ. И Москву-то я видалъ въ первый разъ, и какъ дрогнуло мое сердце, когда изъ окна вагона, сквозь утреннюю дымку, я увидѣлъ большой золотой куполъ Храма Спасителя и Ивана Великаго! Дребезжащія конки, извозчики, множество спящего народа, башня на Николаевскомъ вокзалѣ (а отъ него вѣдь,—шутка ли,—отправляются въ самый Петербургъ!)—съ часами и развѣвающимся флагомъ — все такъ меня поражало, что я со своимъ чемоданомъ, которому тамъ, у себя, въ Рязани я такъ много придавалъ значенія, казался себѣ маленькимъ и ничтожнымъ. А на Ярославскомъ вокзалѣ всякій высокій человекъ въ пальто, шляпѣ и въ очкахъ казался мнѣ профессоромъ академіи.

Наконецъ, сѣли въ вагоны, скупо освѣщенные стеариновыми свѣчами. Все,—какъ тогда, и также краской пахнетъ отъ стѣнъ и желтыхъ дивановъ. Только что же нѣтъ продавца газетъ? Навѣрно, это бываетъ только днемъ. Впрочемъ, едва-ли и живъ тотъ продавецъ, котораго я заприѣтилъ въ годы обученія въ академіи. Сѣдой, съ одними усами и краснымъ лицомъ, съ большой кипой газетъ подъ мышкой—онъ, войдя въ вагонъ, громкимъ и хриплымъ голосомъ возглашалъ: „сиводняшніе газеты и журналы! описаніе Троицкой Лавры!“...—приближаясь къ противоположной двери: — „календари на будущій годъ!...“ — послѣ 17 октября 1888 года:—„описаніе крушенія царскаго поѣзда!“

Наконецъ, трогается. Въ полумракѣ вагона закрестились, завздыхали, зашептали, огни вокзальныхъ оконъ поплыли назадъ, замелькали огни окраинъ города, и поѣздъ понесся окруженный тьмою. Я напрягаю зрѣніе, глядя въ окно и стараясь уловить знакомые предметы. Но ничего не разобратъ въ осенней темнотѣ.

Завтра воскресенье. Какъ жаль, что не удалось выбратъся изъ Москвы пораньше, чтобы успѣть въ Лавру ко всенощной. Пошелъ бы я туда до 6 часовъ, сталъ бы я въ темнотѣ, недалеко отъ Троицкаго собора и колокольни, и почудилось бы мнѣ, что я не пожилой человекъ, убѣленный сѣдинами, а молоденькій студентъ духовной академіи. Маленькіе колокола проиграли бы гамму четыре`раза, колоколь ударилъ бы шесть разъ, со стороны собора зазвонилъ.

Зданіе Библіотеки Императорской Московской Духовной Академіи въ новомъ видѣ
(слѣва—престройка 1914-го года).

бы колоколь—повѣстка, въ отвѣтъ бы съ высоты колокольной раздался ударъ во второй, послѣ „Царя“, колоколь который я всегда особенно любилъ за его бархатный, гармоничный и вмѣстѣ могучій звукъ. Потомъ я бы поспѣшилъ въ соборъ къ началу. Отвѣраются царскія врата, на престолѣ мигаютъ разноцвѣтные огоньки.. „Возстаните!“—возглашаетъ іеродіаконъ, выйдя изъ алтаря, и удаляется снова въ алтарь, гдѣ происходитъ при общей тишинѣ кажденіе, „Господи, благослови!“—возглашаетъ іеродіаконъ, снова появившись на амвонѣ. Подъ темными сводами храма „Никонова строенія“, которые слышали молитвы и воздыханія человѣческихъ сердецъ въ продолженіе 500 лѣтъ, раздается умирительное пѣніе предначинательнаго псалма. Іеромонахъ въ мантии, епитрахили и поручахъ, выйдя изъ алтаря, протягиваетъ правую руку съ кадиломъ въ ту сторону, куда устремляются мысленно взоры и сердца русскихъ православныхъ людей, гдѣ мерцаютъ множество лампадъ и свѣчей,—въ сторону гробницы преподобнаго игумена обители, прося у него благословенія, и продолжаетъ кажденіе. „Господи Боже мой, возвеличился еси зѣло, благословенъ еси, Господи“—несется съ одного клироса. „На горахъ станутъ воды, дивна дѣла Твоя, Господи“,—поютъ на другомъ. О, этотъ умирительно-торжественный псаломъ! Было первое воскресеніе въ Лаврѣ, когда я пріѣхалъ держать экзаменъ въ академію. Троицкіе пѣвчіе—монахи пѣли въ Успенскомъ соборѣ, куда и я пошелъ ко всенощной. Громадный соборъ, иконостасъ, стѣнная живопись, люстры поразили меня. Но смутно было у меня на душѣ: экзамены пугали меня. Но, вотъ, запѣли: „Благослови, душе моя, Господа! благословенъ еси, Господи“!.. Оглянувшись на поющихъ: на ступенькахъ высокихъ клиросовъ чернѣли строгіе ряды монаховъ, на верхней ступенькѣ виднѣлись старцы; обвелъ я глазами величественные своды храма, припомнилъ я, что храмъ этотъ построилъ Грозный царь, написавшій надъ входомъ— „Вѣдомому Богу“, оглянувшись на толпу сермяжныхъ богомольцевъ, вспомнилъ я, что теперь нахожусь подъ покровомъ кроткаго Сергія, и покатились изъ глазъ моихъ слезы... Не бойся же, душа моя, и не смущайся, а благослови Господа,—подумалъ я. Никогда я не могу забыть этой всенощной.—

Что, братъ, какъ?—спрашиваю, когда мы вышли изъ собора,

своего товарища-земляка, пріѣхавшаго волонтеромъ. „Слеза прошибла“,—коротко отвѣтилъ онъ мнѣ, и мы молча, какъ бы подъ вліяніемъ новыхъ, властныхъ думъ, направились къ академическимъ зданіямъ.

А „Блаженъ мужъ“! Какъ величественно-трогательно запѣвалъ эти слова о Юсифѣ! О. Юсифъ—головщикъ, представительный старецъ, съ умнымъ, немного скорбнымъ, взглядомъ кроющихъ глазъ, золотой крестъ, сѣдая борода, сѣдые волосы, густыми прядями выбившіеся изъ-подъ чернаго клобука, придавали ему видъ величественный. Среди тишины, съ высоты верхней ступени клироса раздавался его старческій, но крѣпкій голосъ. Ему отзывался громко звучный и свѣжій голосъ коноарха: „иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ“!.., а эти слова подхватывали на клиросѣ, и т. д.

А „Преславная днесь!“ Многіе студенты-товарищи холодно относились къ лаврской службѣ. Но и среди нихъ не мало было такихъ, которые говорили: „пойти въ соборъ—слушать „Преславная днесь“. Это, какъ извѣстно, —стихира Пятидесятницы, и ее, какъ стихиру храма, поютъ въ Лаврѣ на литіи подѣ воскресные дни особымъ распѣвомъ. Стоишь; бывало, въ толпѣ богомольцевъ и съ замираніемъ сердца слушаешь, какъ эта дивная и по наѣву, и по словамъ пѣснь, сначала какъ будто слабая и неувѣренная, какъ были слабы и неувѣренны сначала апостолы Христовы, потомъ крѣпнеть, расширяется, растетъ и уже могучими волнами вливается изъ притвора, гдѣ начинается литія, чрезъ узкія двери въ самый храмъ: „и вси начаша глаголати странными глаголы, странными учени, странными повелѣніи Святыя Троицы“. Когда я, послѣ окончанія академіи, служилъ въ одной изъ семинарій, то однажды въ сборной комнатѣ, вспоминая съ сослуживцами—москвичами академію и Лавру, запѣлъ „Преславная днесь“, за мной началъ пѣть одинъ голосъ, другой, третій, и не выдержалъ, наконецъ, почтенный старецъ, окончившій Московскую академію въ 60-хъ годахъ. Мы такъ увлеклись пѣніемъ, что только появленіе въ сборной ректора, который началъ хмуро глядѣть въ расписаніе уроковъ, напомнило намъ, что урокъ давно начался.

„Софрино!“—раздалось за окномъ вагона. Что это за Софрино? Это —оказывается,—прежняя станція „Талицы“. А

вѣдъ въ былое время, при этой остановкѣ, по вагонамъ ходилъ горбатый монашекъ съ кружкой и тихимъ голоскомъ приговаривалъ: „преподобному Стефану на свѣчи и масло“. Зимой монашекъ былъ въ тулупѣ съ большимъ воротникомъ, изъ котораго выглядывало его типичное лицо — горбуна. Въ вагонѣ было душно отъ накаленной желѣзной печки, пахло овчиной; двери, бѣлыя снизу отъ мороза, пронзительно скрипѣли.

Вотъ, проѣхали и Хотьковъ. Въ вагонѣ стало меньше народа. Въ полутьмѣ кто-то кому-то тягуче разсказывалъ. Въ окна видно, какъ взошла луна; но мутно было тамъ, за окнами, лунный свѣтъ не могъ побороть густой осенней мглы. И какъ я ни усиливался, всетаки не могъ, подѣзжая къ Сергіеву, усмотрѣть очертанія лаврской колокольни надъ зубчатою полосою лѣса.

Вотъ, и вокзалъ,—тотъ же самый, съ тою же деревянною платформою, по которой въ лѣтніе и осенніе вечера, бывало, длиною вереницею прогуливались студенты. Нанимаемъ извозчика и ѣдемъ. Все знакомое: налѣво — домъ профессора Кудрявцева, направо — бѣлый домъ, на которомъ была прежде вывѣска — „иконописецъ-художникъ Малышевъ“, подъ гору тумбы, тумбы, мостъ, опять тумбы, лавки, часовни. — Лавра смутно выступаетъ бѣлыми очертаніями своихъ стѣнъ, въ башнѣ мелькаютъ огни, смутно поблескиваетъ въ вышинѣ золотой куполь Успенскаго собора, мигаетъ лампадка надъ святыми воротами, новая лаврская гостиница...

Гостиница не измѣнилась: дремлющій на скамьѣ швейцаръ съ потертымъ галуномъ на фуражкѣ, желѣзные полы, веревочные половики, въ номерахъ огромные диваны и запахъ матрацовъ и подушекъ. Вонь, внизу, подъ лѣстницей и дверь, ведущая въ помещеніе, гдѣ когда-то проживалъ графъ М. Вл. Толстой, извѣстный любитель и знатокъ древне-русской церковной старины. Онъ плохо видѣлъ, и къ нему для чтенія и письма ходилъ одинъ изъ студентовъ. Студентъ былъ скромный и тихій и носилъ имя „Владиміръ“. Остроумный старецъ-графъ, — какъ мнѣ передавали, — сочинилъ про него слѣдующее четверостишіе:

„Володенька —
Мальчикъ молодецкій,
Онъ не куритъ, не пьетъ,
И кошке не бьетъ“.

Стихи имѣли отношеніе къ печальному событію, имѣвшему мѣсто въ Московской академіи въ ночь съ 1 на 2 октября 1890 года.

Было 11 часовъ ночи, и насъ встрѣтилъ въ гостиницѣ полуодѣтый „корридорный“, который шаркалъ по полу въ чемъ-то мягкомъ. Несмотря на поздній часъ, мнѣ хотѣлось поговорить съ корридорнымъ: ужь очень глубоко я почувствовалъ, что нахожусь въ родномъ мѣстѣ, и скорѣе хотѣлось мнѣ показать, что я все тутъ знаю, что я тутъ жилъ и учился.

— Живетъ кто-нибудь изъ профессоровъ академіи въ гостиницѣ?

— Изъ профессоровъ-съ? живутъ-съ. Вотъ, примѣрно сказать, священникъ... какъ его?—замаялся корридорный.

— Воронцовъ?

— Кажется, что такъ ихъ фамилія.—Я всетаки остался неувѣреннымъ, что именно было такъ.—А то вотъ еще,—уже самъ разохотился корридорный,—живутъ-съ... такой ужь пожилой... вотъ забылъ фамилію... Заморскій не Заморскій... какъ его?..

— Заозерскій?

— Вотъ-вотъ,—обрадовался мой собесѣдникъ. И говорили мы и про Лавру, и про Академію, и про Посадъ. Была уже полночь, и нужно было спать. Мнѣ было пріятно засыпать съ мыслью, что я нахожусь опять подъ покровомъ печальника Русской земли, преподобнаго Сергія, что на высокой колокольнѣ теперь, какъ тогда, колокола играютъ гамму.

II.

Воскресенье, 6 октября. Хмурое, сырое и туманное осеннее утро. По дорогѣ отъ гостиницы къ Лаврѣ—липкая грязь, ряды арбузовъ и яблокъ, которые оживляютъ и цестрятъ сѣрый осенній фонъ картины, извозчики, нищіе, богомольцы. Бульваръ около стѣнъ Лавры не измѣнился, померзли и почернѣли только цвѣты. Въ послѣобѣденные часы когда-то здѣсь много прогуливалось студентовъ, а среди нихъ очень часто можно было замѣтить крупную фигуру А. П. Лебедева, который по своей привычкѣ много и громко говорилъ, шель мелкими шажками, помахивая тоненькой палочкой. Въ срединѣ бульвара, бывало, скрываясь въ тѣни деревьевъ,

гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ стоялъ старикъ-нищій высокаго роста, согнутый, одѣтый не въ лохмотья, а въ крѣпкое пальто, но которое до того выгорѣло, выцвѣло, порывѣло и было засалено, что мнѣ издали казалось, будто отъ него пахнетъ. Согнувшись и опираясь на длинную палку, старикъ снималъ остроконечную шапку-скуфью и такъ жалобно просилъ милостыни, лицо его было такъ страдальчески искажено, что рука невольно опускалась въ карманъ отыскивая тамъ мелкую монету. Потомъ я сталъ всматриваться въ эту фигуру и въ это страдальческое лицо, и моему воображенію представлялись: затхлая коморка, засаленный матрацъ, а въ немъ зашитые десятки тысячъ... А то мнѣ этотъ человѣкъ напоминалъ нищаго Морденко въ „Петербургскихъ трущобахъ“ или старика съ собакой, который ходилъ въ нѣмецкую кофейную, въ „Униженныхъ и оскорбленныхъ“. Товарищъ-вольнецъ, бесѣдовавшій со старикомъ въ рыжемъ пальто и скуфьѣ, узналъ, что онъ—католикъ и выходецъ изъ юго-западныхъ губерній. Какъ онъ, полякъ и католикъ, попалъ въ самую средину Россіи, къ Троицѣ, здѣсь прижился, вмѣсто того, чтобы просить милостыню гдѣ-нибудь въ Ченстоховѣ у богомольныхъ паннъ и паненокъ?...

Самыхъ необыкновенныхъ и замѣчательныхъ нищихъ мнѣ приходилось видѣть въ Кіевѣ, около Лавры, около пещеръ, на пути въ Троицкій монастырь: калѣки безъ рукъ, безъ ногъ, съ зіяющими отверстіями на мѣстѣ рта и носа, сидя въ пыли и кланяются до земли головами, поютъ, читаютъ псалтирь и акаѣисты, потрясаютъ голыми кулышками рукъ и ногъ... Въ Троицкой Лаврѣ нищие не такіе ужасные. Особая группа какъ бы привилегированныхъ нищихъ сидѣла, бывало, внутри Лавры, около желѣзной рѣшетки, примыкающей къ святымъ воротамъ. Опрятно одѣтые, зимой,—во все теплое, они сидѣли на маленькихъ скамеечкахъ и, протягивая сквозь рѣшетку руки съ деревянными чашками, жалобно повторяли: „подайте, батюшки! подайте, матушки! помянуть вапихъ родителей!“... Слѣпые сидѣли, вытянувши головы какъ будто къ чему прислушиваясь и какъ-будто глядя куда-то высоко и далеко, и, слышавъ въ чашкѣ подаваніе, ошупывали деньги руками клали въ карманъ, не измѣняя положенія головы и продолжая повторять: „подайте,

батюшки, подайте, матушки, слѣпенькому“. Теперь этихъ нищихъ я почему-то не замѣтилъ. Около входа въ Успенскій соборъ всегда стояло много монахинь съ тарелочками или чашками, прикрытыми пеленами, или съ клеенчатыми книжками, украшенными крестами изъ позумента. „Царицѣ Небесной... благодѣтели... душѣ во спасеніе... на доброе здорье...—повторяли они всѣ на перебой и скороговоркой, кланяясь низко проходящимъ мимо богомольцамъ. Монахини всѣ были проворныя, востроносыя, подпоясанныя по верхней одеждѣ. И монахинь теперь нѣтъ.

Въ Лаврѣ—утренняя суета и движеніе, какія вообще бываютъ въ монастырѣ въ праздникъ, между раннею и позднею обѣднями. По главной дорогѣ отъ св. воротъ къ Троицкому собору взадъ и впередъ движутся богомольцы, послушники спѣшать въ-припрыжку, снимая скуфейки, отвѣшивая находку низкіе поклоны старшей братіи и привычнымъ движеніемъ пальцевъ поправляя волосы за ушами, идутъ пожилые монахи, тяжело передвигая калошами, купцы и купчихи съ большими узлами просфоръ направляются пить чай послѣ ранней обѣдни, мужики, грузно ступая сапогами по мокрому асфальту, смотреть по сторонамъ и, дойдя до колокольной, останавливаются и, запрокинувши головы и раскрывши рты, смотрятъ вверхъ съ изумленіемъ. Часы играютъ три четверти девятого. О, эти четверти! Какъ они меня мучили, когда писались приемныя экзаменскія сочиненія въ первой аудиторіи! Окна открыты, жарко и пахнетъ изъ академическаго сада первую осенью, а въ аудиторіи—краской и мастикой паркета. Множество головъ курчавыхъ, гладкихъ, черныхъ, бѣлыхъ наклонилось надъ партами; изрѣдка мелькають духовныя лица. Почти всѣ уже пишутъ, пишутъ, пишутъ... Боже мой, что же я не начинаю? Вездѣ шуршать перевортываемыхъ страницы, а у меня ни одной строчки... „Можно ли согласиться съ мыслью, что любовь къ человѣчеству есть чувство болѣе возвышенное, чѣмъ любовь къ отечеству“... и т. д.?—гвоздитъ въ моемъ мозгу тема по философіи. Да тому-то кто даль? Профессоръ Кудрявцевъ! Это—не то, что какой-нибудь преподаватель семинаріи Сацердотовъ. А часы... часы въ открытыя окна знай-себѣ играютъ четверти, кажется каждую минуту. Ну, конечно, всѣ эти тверяки, ярославцы, волынцы умнѣ меня

и напишутъ отлично, а я... Такъ всегда мнѣ казалось и послѣ когда я учился въ академіи. Особенно это казалось въ библіотекѣ. Общая тишина, пахнетъ книгами, сыростью и угаромъ; одни студенты роются въ подвижномъ каталогѣ, другіе приходятъ и уходятъ нагруженные до подбородка книгами; за деревянной рѣшеткой раздается спокойный и важный голосъ бібліотекаря: „Акты историческіе... Минь—Патрологія... Читанія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ“... Ну, конечно,—думалъ я;—„они“ теперь уже все захватили, все взяли, все прочитали, все знаютъ... И, взявши какую-нибудь тоненькую книжку, я съ уныніемъ уходилъ изъ бібліотеки. Съ этимъ чувствомъ, да еще съ убѣжденіемъ, что въ сочиненіяхъ, внизу должно быть какъ можно больше ссылокъ и цитатъ, особенно нѣмецкихъ, я и проучился въ академіи.

До-ре-ми-фа-соль-ля-си-до—проиграли часы, потомъ девять разъ ударить колоколь. Динь-динь-динь-динь! — раздалось со стороны Троицкаго собора. Б-б-бумъ!—ударилъ съ колокольни мой любимецъ. Онъ подождать, пока замретъ звукъ, и ударилъ во второй разъ, потомъ опять подождать, опять ударилъ, и полились надъ Лаврой его прелестные бархатные звуки. Колокольня стояла, какъ живая, розовая и красивая, съ золотой шапкой наверху. Ожили согбенные угодники подъ куполомъ Троицкаго собора, заблестѣли золотомъ кресты, главы и крыши, замигали весело лампы и свѣчи сквозь стеклянныя двери собора, закачались деревья, быстрее задвигались послушники и богомольцы. Это — ты, моя святая, дорогая Лавра!..

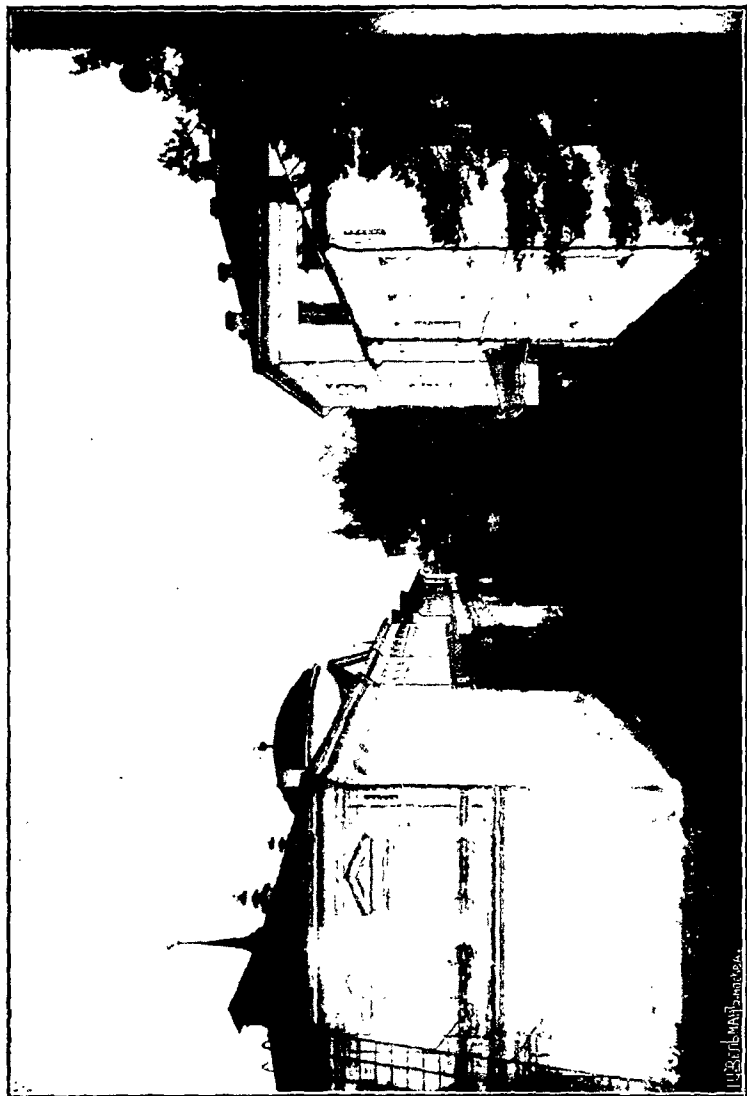
Въ соборѣ послушники разстилаютъ посрединѣ ковры, раздвигаютъ народъ. А гдѣ же „параволаны“? ¹⁾ Такъ студенты звали такъ называемыхъ соборныхъ солдатъ, которые наблюдали за порядкомъ въ время богослуженія. Одѣтые зимой въ сѣрые шинели съ красными стоячими воротниками и высокія барашковныя шапки съ красными верхами, а лѣтомъ въ бѣлые балахоны и картузы съ красными околы-

¹⁾ Въ учебникѣ Еврафа (Смирнова) о соборѣ въ г. Ефесѣ въ 449 году читаемъ: „Онъ (Диоскоръ) собралъ толпу привезенныхъ имъ параволановъ и приверженныхъ Евтихію монаховъ; толпа ворвалась въ церковь, гдѣ происходило засѣданіе собора, съ крикомъ... Произошло большое смятеніе, начатые акты были изорваны, у писцовъ отбиты пальцы“.

шами, они рядами стояли у входа въ Троицкій соборъ, поджидая съ поѣзда богомольцевъ. Запрятавши зимой озябшія руки въ рукава, постукивая нога-объ-ногу, они перекидывались другъ съ другомъ короткими фразами, постоянно поглядывая въ сторону просфорни и церкви Смоленской Божіей Матери, куда въ прежнее время извозчики подвозили богомольцевъ. Наконецъ, когда на колокольнѣ начался трезвонъ, къ просфорнѣ подкатывали съ утренняго поѣзда парные извозчики, и на каменной дорожкѣ, около братскихъ корпусовъ вдали показывались: бобровые воротники, золотыя очки, обширные салоны, красныя лацканы генераловъ. Всѣ спѣшною походкою приближались къ собору, неся бѣлые узлы съ просфорами. Параволаны кланялись, улыбались, шли за пріѣхавшими въ соборъ, нашептывая сбоку воротникамъ и салопамъ: „прикажете убрать? удобное мѣстечко? просфоры въ алтарь“?. Верхнее платье прибывшихъ куда-то уносилось, сами они оказывались на хорошихъ мѣстахъ, бѣлые узлы съ просфорами двигались надъ головами толпы въ алтарь. Во время службы параволаны въ нужныхъ случаяхъ расталкивали народъ, освобождая средину собора. „Осадите! осадите!“—махали они на толпу руками. „Иди, иди, матушка, тамъ много мѣста“,—тащилъ параволанъ какую-нибудь богомолку за рукавъ и втискивалъ ее въ толпу. Богомолка не успѣвала опомниться, какъ уже оказывалась гдѣ-нибудь въ темномъ углу, стиснутая плечами, спинами, сумками.

— Кто будетъ служить?—спросилъ я, увидавши разостланныя посрединѣ ковры, но не видя архіерейскаго возвышенія. „Екклесіархъ“,—коротко отвѣтилъ мнѣ послушникъ. Когда пришелъ екклесіархъ, встрѣченный почти по-архіерейски, то я сразу узналъ его. Въ наше время это былъ еще молодой монахъ, жившій подъ колокольней. Въ лѣтнее время онъ все бывало, посиживаетъ на скамеечкѣ, на крыльцѣ, обращенномъ въ сторону академіи, а то кормить голубей или вытряхиваетъ какіе-то коврики. Теперь это былъ глубокій старецъ. Видно, и мы состарились.

Съ иконостаса глядѣли темые лики святыхъ, какъ они глядѣли и при Тишайшемъ царѣ и при Грозномъ. Вѣдь въ этомъ иконостасѣ есть произведенія кисти Андрея Рублева и Симона Ушакова! Вотъ, такъ знакомыя короткія линіи анге-

Здание Библиотеки (без пристройки 1914-го года) и аудиторский корпус Императорской
Московской Духовной Академии.

И. В. Шенников

ловъ на храмовой иконѣ Св. Троицы, огромный, темный ликъ Спаса—Нерукотвореннаго, выше — мелкія очертанья двенадцатыхъ праздниковъ, еще выше—смиренные изгибы угодниковъ, съ мольбою простирающихъ предъ собою сужія и длинныя руки,—тоненькія колонки между иконами. обитыя гладкими серебряными листами, на которыхъ, среди сумрака собора, блестятъ и играютъ огни лампадъ и свѣчей... Предъ этимъ иконостасомъ нельзя стоять равнодушно, нельзя не молиться... Есть и новости въ соборѣ: прежній желѣзный полъ замѣненъ новымъ — изъ разноцвѣтныхъ плитокъ, клиросы перенесены къ задней стѣнѣ. Осматриваю стоящихъ сзади пожилыхъ монаховъ: ни одного знакомаго лица!

„Блаженн есте, егда поносятъ вамъ и ижденуть и рекутъ всякъ золь глаголь, на вы лжуще Мене ради“... Я вздрагиваю и точно просыпаюсь отъ нахлынувшихъ на меня воспоминаній: запѣли давно-давно знакомымъ мнѣ „троицкимъ“ напѣвомъ. „Снѣдію изведе изъ рая врагъ Адама!“—громко возглашаетъ канонархъ, и за нимъ протяжно повторяетъ клиросъ;—„крестомъ же разбойника введе Христосъ въ оны“, —еще отчетливѣе звучитъ канонархъ, а за нимъ—и на клиросѣ. „Помяни мя, зовуща, егда приидеши во царствіи Твоемъ“... Слезы закипѣли въ моей душѣ...

III.

Послѣ обѣдни всѣ двинулись къ мощамъ. На клиросѣ появились три послушника, которые, равнодушно поглядывая на двигающуюся вокругъ толпу, однообразно повторяли: „Преподобне отче Сергіе, моли Бога о насъ! преподобне отче Сергіе, моли Бога о насъ!“ Лица у богомольцевъ молитвенныя, сосредоточенныя. Никто не смотритъ вокругъ; взоры всѣхъ устремлены туда, гдѣ горитъ множество свѣчей, мерцаютъ лампы, а въ углу, въ ногахъ гробницы смутно чернѣетъ за стекломъ схима. Нѣкоторые медлятъ идти прикладываться и, стоя поодаль, горячо молятся. Какой-то старичекъ, крестообразно опоясанный сумками, стоя на колѣнахъ посреди собора, то истово крестится и, припавъ лбомъ къ полу, долго не поднимаетъ головы, то, склонивши голову на-бокъ, равномерно покачиваетъ ея, шевелитъ губами, а руки держитъ сложенными у груди, и видно, какъ слезы

струируются по его щекамъ. Многія женщины утираютъ платками глаза и, крестясь, долго не отнимаютъ сложенныхъ пальцевъ правой руки ото лба, точно хотятъ вдавить туда пальцы. Какая-то женщина въ черномъ платкѣ стоитъ совсѣмъ вдали, и все ея лицо выражаетъ такой молитвенный порывъ, что кажется- вотъ-вотъ она закричитъ на всю церковь... „Вся Мнѣ предана суть Отцомъ Моимъ“... — читаетъ іеромонахъ: „Приидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы“...

Спускаемся въ церковь преподобнаго Никона. Серебряная гробница, нѣсколько горящихъ свѣчей, холодный, ошлифованный миллионами ногъ, желѣзныи полъ... Серапіоновская палатка: тепло, тихо и уютно. Выходимъ изъ собора южною дверью. Широкая асфальтовая полоса ведетъ къ красному митрополичьему дому. Когда-то видаль я шествующимъ „со славою“ по этой дорогѣ покойнаго митрополита Іоанникія. Высоко надъ толпой бѣлѣлъ его клобукъ, куда-то вдаль глядѣли его орлиные глаза... Не видѣлъ я въ своей жизни такого владыки и такихъ глазъ, особенно — когда онъ, возвращаясь по этой дорогѣ послѣ службы, терпѣливо благовославлялъ множество богомольцевъ. Правѣе асфальтовой дороги—спускъ къ воротамъ, ведущимъ въ монастырскій садъ. Какой-то онъ теперь? Нравился онъ мнѣ своимъ раздольемъ. Переходимъ черезъ мостикъ, подъ которымъ гдѣ-то глубоко-глубоко журчитъ и лепечетъ ручей, а тамъ—открытая и просторная равнина, поросшая травой. Около стѣны бѣлой чередой стоятъ старыя березы, въ вершинахъ которыхъ шумитъ вѣтеръ. „Люблю я этотъ садъ“,—говорилъ товарищъ-сибирякъ,—„онъ мнѣ своимъ раздольемъ напоминаетъ Сибирь“. Въ длинномъ и узкомъ рыжемъ пальто съ поднятымъ воротникомъ, который почти закрывалъ добродушное лицо и спутанную бороду, въ черной шляпѣ съ огромными полями, сибирякъ по-долгу ходилъ подъ березами одинъ своею раскачивающеюся походкою, прислушиваясь къ шуму березъ, какъ будто это шумѣла его родимая тайга.

Лѣстница съ высокими каменными ступенями ведетъ насъ сначала въ притворъ трапезной, а потомъ — въ самую трапезную. Въ притворѣ сыро и холодно, и мокрая отъ грязныхъ ногъ дорога ведетъ къ большимъ дверямъ. Огромными картинами покрыты стѣны притвора. Адамъ и Ева прячутся

подъ деревьями рая, и отъ вида этихъ дрожащихъ, полуобнаженныхъ людей кажется еще холоднѣе въ притворѣ, съ растворенными настѣжъ входными дверями. На другой стѣнѣ—„потопъ“. Вода подвигается выше и выше. Люди и звѣри, львы, тигры собрались на высокой горѣ и съ ужасомъ видятъ, какъ вода подступаетъ и къ нимъ. Вонъ люди въ отчаяніи вскарабкались на высокія деревья, хватаются за сучья, а рядомъ съ ними, вокругъ сучьевъ обвились страшныя змѣи. Забыта и вражда у людей съ страшными и хищными животными предъ надвигающейся смертью. А вдали, надъ водою чернѣется ковчегъ... И отъ этой картины холодно и зябко.

Въ трапезной пахнетъ монастырскою кухней и ладаномъ отъ церкви. Войдешь въ трапезную, и не хочется двигаться, а хочется охватить взоромъ открывшееся зрѣлище, какъ въ сосновомъ лѣсу, когда набредешь на длинную просѣку, которая стрѣлою полетѣла далеко-далеко, и надъ которой небо вытянулось голубою лентой, хочется постоять и долго-долго смотрѣть въ эту даль и чувствовать себя маленькимъ среди стройныхъ великановъ—сосенъ. Въ два ряда вытянулись столы. Высокій полукруглый потолокъ величественно покоится на толстыхъ стѣнахъ, прорѣзаныхъ съ той и другой стороны множествомъ оконъ. Простѣнки между оконъ, откосы, потолокъ—все покрыто картинами. Вдали видѣются огромныя желѣзныя, рѣшетчатыя врата въ церковь, съ двумя рѣшетчатыми окнами по бокамъ: сквозь желѣзный переплетъ вратъ и оконъ красиво просвѣчиваютъ золото и синее „тѣло“ иконостаса. Огромная полукруглая картина занимаетъ все пространство надъ дверью и окнами. Что-то много-много народу, и все какъ будто копошатся и движутся, и темно какъ! А вверху, среди этой темноты явственно вырисовывается Распятіе, предъ которымъ, какъ красная звѣздочка, мерцаетъ лампадка.

„Вотъ, смотрите: умеръ богатый и попалъ въ огонь, а душу Лазаря ангелы на небо отнесли“... Такъ въ былое время одинъ студентъ академіи, съ простымъ и добродушнымъ лицомъ сѣверянина, рассказывалъ содержаніе картинъ—притчей трапезной сѣрымъ богомольцамъ. Въ послѣобѣденныя часы, когда онъ могъ или гулять, или читать книгу, или просто валяться на постели, ходилъ онъ въ трапезную

и водилъ кучку богомольцевъ отъ картины къ картинѣ. И какъ хорошо онъ придумалъ это дѣлать! И, конечно, просвѣщаемые притчами Господними, умилялись сердцемъ простые богомольцы. „Такъ-то, милая,—шептала, навѣрно, одна богомолка другой въ тонъ,—сладко пожилъ на этомъ свѣтѣ, а на томъ въ огонь угодили. Видишь: и цѣпью за руку прикованъ, и языкъ высунуль... А Лазарь-то, гляди: на соломѣ лежитъ, а душа-то его, душа на колѣнкахъ у Авраама сидитъ... Охъ, Господи, Господи, прости насъ грѣшныхъ!“

—„А это, милый,—спрашиваетъ робко другая богомолка у студента,—что же тутъ свиньи въ корытѣ ѣдятъ, а около нихъ оборванный человѣкъ стоитъ и руками лицо закрылъ, ровно бы плачетъ? — А это,—разъясняетъ студентъ,—блудный сынъ, ушелъ отъ отца родного и терпитъ нужду. Такъ и грѣшный человѣкъ“...—Такъ-то, милая,—шепчетъ она со сѣдкѣ,—у нашей у Дарьи-Грачихи сынъ Прошка тогда завѣшался, пропалъ, совсѣмъ сгинулъ, а потомъ опять пришелъ—оборванный, худой... И вѣдь остепенился, человѣкомъ сталъ“. Всегда и я любилъ эти картины-притчи и подолгу стоялъ около нихъ. Большая равнина. Человѣкъ въ короткомъ одѣяннѣ, съ пріятнымъ лицомъ, возвращается съ поля, корзина у него сбоку привязана черезъ плечо. А вдали виднѣется другой человѣкъ, съ суровымъ и мрачнымъ лицомъ, съ такою же корзиною сбоку; онъ широко размахиваетъ рукой и сѣть... Кучка людей подъ деревомъ покоится глубокимъ сномъ. „Спящимъ же человѣкомъ, приде врагъ его, и всѣя плевелы посредѣ пшеницы, и отъиде“... У человѣка съ напыщенной осанкой и высоко поднятой головой большой обрубокъ дерева торчитъ изъ глаза, и человѣкъ презрительно смотритъ на другого, плохо одѣтаго и согбеннаго, въ глазѣ котораго чуть виднѣется маленькій сучекъ. „Что же видиши сучецъ, иже во оцѣ брата твоего, бревна же, еже есть во оцѣ твоёмъ, не чуеши?“.. Человѣкъ величественнаго вида, съ спокойнымъ и серьезнымъ лицомъ, что-то говоритъ другому человѣку, указывая ему на дерево среди сада; а этотъ другой, смиреннаго вида, въ рабочей одеждѣ, о чемъ-то усердно спрашиваетъ перваго и, держа заступъ въ рукахъ, хочеть, повидимому, окапывать дерево. „Смоковницу имяше нѣкій въ виноградѣ своемъ всажену, и приде ища плода на ней, и не обрѣте... Онъ же (вино-

градарь) отвѣщавъ рече ему:—Господи, остави ю и се лѣто, дондеже окопаю окрестъ ея и осыплю гноемъ“...

Крошечная церковка преподобнаго Михея. Это онъ, закрывши лицо руками, припалъ къ землѣ, во время явленія Божіей Матери преподобному Сергію, а послѣ говорилъ: „что это за чудное видѣніе, отче? душа моя едва не раздѣлилась отъ тѣла“... Церковь Сошествія Св. Духа и преп. Филарета-милостиваго. Гробницы митрополитовъ Филарета и Иннокентія. Тепло и уютно, какъ въ комнатѣ. Монахъ соннымъ голосомъ читаетъ псалтирь, еле поворачивая голову въ сторону входящихъ. Въ иконной лавкѣ—гробница преподобнаго Максима-Грека. Много онъ пострадалъ въ чужой для него Русской землѣ. Это онъ въ заточеніи, въ Волоколамскомъ монастырѣ, среди оковъ, дыма и смрада, лишенный утѣшенія во св. Причастіи, на стѣнѣ своей темницы углемъ написалъ канонъ св. Духу-Утѣшителю. Лампада мерцаетъ надъ его гробницей. Въ лавкѣ пахнетъ кипарисомъ и тѣмъ особеннымъ монастырскимъ масломъ, которое мнѣ очень знакомо съ дѣтства. Его приносили какіе-то странники, кажется съ Аюона, и оно называлось „регальнымъ“.

Въ Успенскомъ соборѣ просторно и холодно, шаги и голоса раздаются звонко. Тяжело висятъ массивныя люстры широко и высоко развернулася золоченый иконостасъ съ темными лицами святыхъ, стѣны, простѣнки, столбы и своды до тѣсноты испещрены лицами, руками, ногами, цвѣтами, деревьями..

Въ святыхъ воротахъ—тѣ же длинныя, черныя пушки. По стѣнамъ—картины изъ жизни преподобнаго Сергія. А я въ былыя времена любилъ останавливаться предъ картинами изъ временъ осады Лавры толяками. Отъ стѣнъ Лавры мчатся бѣлыя лошади, а на нихъ сидятъ монахи. Тощія лошади вытянулись въ линію, черныя одѣянія сѣдоковъ развиваются по вѣтру. Это—чудесные посланцы въ Москву, чудесно снаряженные взбранымъ воеводою обителю преподобнымъ Сергіемъ.

— Купецъ, вотъ я ѣду!.. Въ Вишанію!.. Въ Скиты!.. Къ Черниговской!.. — наперебой кричатъ извозчики. Обычная суета за воротами Лавры.

IV.

7-е октября, день ангела преподобнаго Сергія. Ясное и

морозное осеннее утро. Спѣшу изъ гостиницы до обѣдни: нужно зайти въ просфорную для закупки просфоръ на родину, хотя на минутку заглянуть въ академическій садъ и послушать благовѣсть и званъ. Хорошо помню, что къ обѣдни звонять въ „Годунова“, ¹⁾ а къ молебну—въ „Царя“. Въ просфорной вкусно пахнетъ свѣжими просфорами, и лица у монаховъ, которые продаютъ просфоры, бѣлая, точно посыпаны мукой. Отдѣльно за длиннымъ столомъ сидятъ послушники и надписываютъ на просфорахъ. Въ тишинѣ слышно, какъ трещать перья и ножички, которыми очищается нижняя корка просфоры отъ муки. „За—здравіе записаль? ну, теперь клади за-упокой“...—слышно изъ кучки богомольцевъ. Вотъ и академическій садъ, вотъ и кедръ, клумбы, бесѣдка... Вотъ и „чертоги“. Хорошо было гулять по этимъ дорожкамъ. Въ августѣ садъ былъ напоенъ ароматомъ цвѣтовъ. Зимой длинныя и широкія вѣтви кедровъ отягчены пушистымъ и бѣлымъ снѣгомъ. Бывало, робко заглядывали въ садъ богомольцы. Они вытягивали головы и долго смотрѣли на высокія академическія зданія. „Что это? монаховъ не видно, а гуляютъ какіе-то „въ пальтахъ“ и шляпахъ“ ²⁾,—такъ, вѣроятно, думали они. Любилъ я зимой, въ лунную ночь, къ концу всеночной подъ большой праздникъ, когда звонили въ „Царя“, выходить въ садъ. Морозно, и всѣ звуки слышны отчетливо. Вотъ, изъ собора зазвонили, на колокольнѣ слышенъ стукъ—звонари побѣжали по лѣстницамъ, по своимъ мѣстамъ.—Бомъ—бомъ—бомъ—равномѣрно начинается, кажется, „Лебедь“, чтобы дать размѣръ всему звону, къ нему присоединяются маленькіе, втягиваются средніе, тяжело загудѣлъ „Корноухій“, и, наконецъ, охнулъ „Царь“... Звонъ несетъ могучій и потрясающій. Окна гудятъ и дребезжатъ, точно отъ канонады. Въ нижнемъ этажѣ колокольни большіе колокола охаютъ и стонуть, но не заглушить имъ верхнихъ маленькихъ, которые своими нѣжными дѣтскими голосами рвутся въ морозную высь. Красивая и гордая колокольня, вся пронизанная морознымъ луннымъ свѣтомъ, наполненная торжествующими

1) Такъ называется одинъ изъ колоколовъ, вѣроятно, потому, что былъ пожертвованъ Борисомъ Годуновымъ.

2) Тогда формы у студентовъ не было.

звуками, стоит, как невѣста подь золотымъ вѣнцомъ.— Драмъ—дамъ—дамъ—ударили наверху въ послѣдній разъ и замолчали, но ревъ нижнихъ колоколовъ продолжается нѣкоторое время, потомъ смолкаетъ. Тихо, морозно и лунно. Академическія и монастырскія зданія, деревья, колокольня, лаврскія церкви стоятъ, облитыя луннымъ свѣтомъ и загадочныя, точно въ себѣ что таящія. Въ морозномъ воздухѣ долетаютъ только звуки шаговъ послѣднихъ богомольцевъ, идущихъ отъ всенощной. Зачѣмъ прошло все это?..

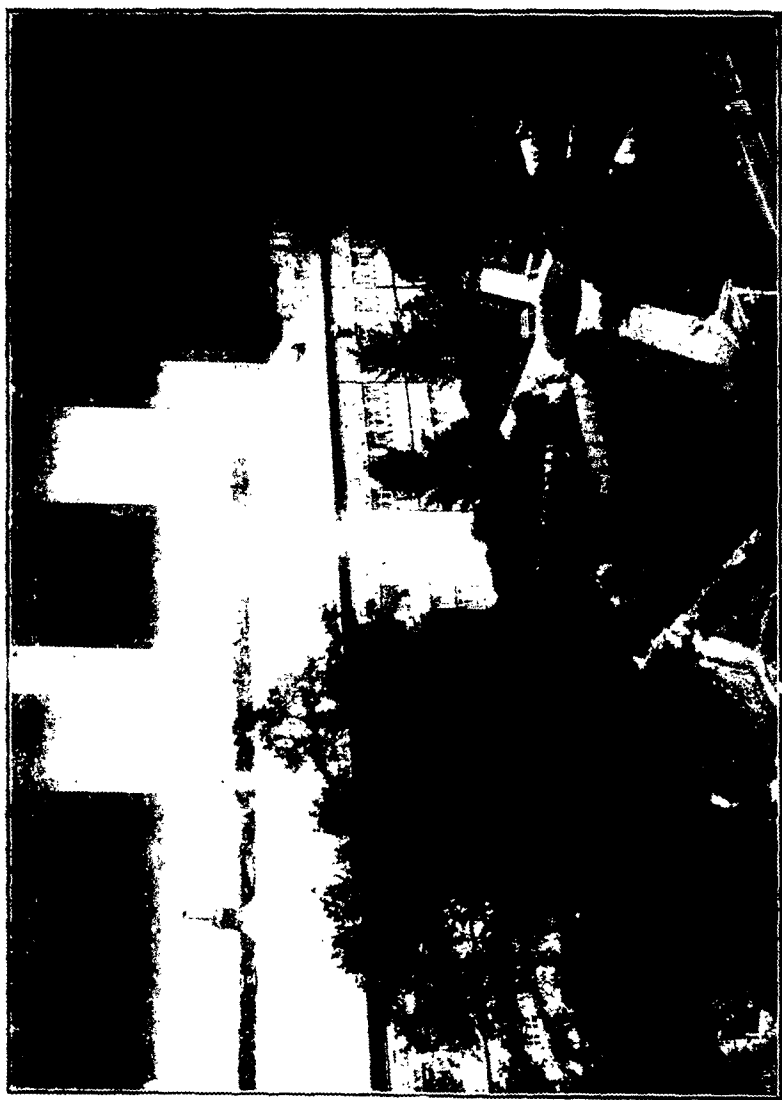
На академическомъ кладбище много новыхъ могилъ. Да, съ 1891 года многихъ не стало. Вѣчная имъ память!

Кажется, все осмотрѣно. Куда же теперь? Въ академическіе корпуса? Мимолетно побывать не хочется: надо поглядѣть и вспомнить каждый уголокъ. Осматривать подробно—нѣтъ времени: послѣ обѣдни надо—на поѣздъ. Конечно, все тамъ не такъ теперь, какъ было въ наше время. И, вѣроятно, тамъ, въ этихъ корпусахъ, мнѣ было бы особенно грустно сознать и чувствовать, что студенческіе годы ушли безвозвратно. Такъ въ лѣсу кажется грустнымъ, одинокимъ и задумчивымъ старое дерево, окруженное молодою порослью. Впрочемъ, вчера, послѣ вечерни хотѣлъ пойти къ Преосвященному Ректору, но проходившій студентъ сообщилъ, что онъ выѣхалъ въ Пустынь Параклита постригать въ монашество студента академіи.

Въ ризницу? Увы, съ годовъ экспроприацій она закрыта для публики. Да я и такъ все тамъ помню и знаю, по крайней мѣрѣ,—то, что прежде показывали. Въ студенческіе годы любилъ я заходить сюда и толкаться среди богомольцевъ. Зимой въ ризницѣ было холодно. „Первая святыня здѣшней Лавры,—громко возглашалъ на „о“ заученныя слова монахъ, тепло одѣтый, съ сонными равнодушными глазами, слегка прикасаясь пальцами правой руки въ толстой кожанной перчаткѣ къ стеклу шкафа.—сосуды богоноснаго отца нашего Сергія, въ которыхъ онъ совершалъ литургію... Риза изъ простой крашенины... Подходите, подходите, господа!—говорилъ онъ черезъ головы богомольцевъ новымъ посѣтителемъ, которые, войдя въ ризницу, сразу терялись и не знали, гдѣ и что смотрѣть.—Туфли изъ кожи!—продолжалъ онъ, спускаясь по стеклу рукой до нижней полки, но не глядя туда, а продолжая смотрѣть

черезъ головы и даже дѣлая лѣвой рукой какіе-то знаки параволану, стоящему въ отдаленіи.—Смотрите: тридцать лѣтъ пробыли въ землѣ и остались цѣлы, только нитки истлѣли... Сосуды и риза преподобнаго Никона,—движется монахъ задомъ къ слѣдующему шкафу, продолжая всю комнату держать въ полѣ своего зрѣнія,—служебникъ, переписанный рукою преподобнаго Никона... Не отставайте, не отставайте, господа!—обращается онъ къ тѣмъ, которые дѣлаютъ попытку попристальнѣе разглядѣть показываемые предметы. Нѣкоторые овчинные полушубки и платки совѣмъ не глядятъ на то, что показываютъ, а съ напряженіемъ въ лицѣ смотрятъ на монаха, изо рта котораго идетъ паръ отъ холода въ ризницѣ,—должно быть, дивятся: какъ это онъ, не глядя на шкафы, говоритъ быстро и не переставая.—Кресты, евангелія, сосуды, митры, облаченія, кадила, ковши, чаши, блюда—все жертвовано великими князьями—Димитріемъ Донскимъ, Василиемъ Дмитріевичемъ и др., царями—Іоанномъ Грознымъ, Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, Александрѣмъ Михайловичемъ, императорами и императрицами...—Богомольцы толпятся, вытягиваютъ головы во всѣ стороны, толкаются, беспомощно мечутся глазами отъ одного предмета къ другому.—Подвѣсная пелена, выпитая руками дочери Бориса Годунова Ксенія,—не унимается монахъ, передвигаясь впереди толпы дальше и дальше.

— Не зѣвай, не зѣвай, матушка,—трогаетъ онъ за плечо увязанную по самые глаза платкомъ богомолку, которая прильнула лицомъ къ стеклу шкафа и пристально что-то разсматриваетъ. Вдругъ монахъ неожиданно двинулся на средину комнаты, расталкивая толпу. Богомольцы шарахнулись, не ожидая такого движенія.—Мозаичный столъ! вывезенъ изъ Италіи графомъ Шуваловымъ и подаренъ митрополиту Платону.—Сказавши эти слова, монахъ сильнымъ движеніемъ повернулъ крышку стола, и столъ, утвержденный на одной ножкѣ, завертѣлся. Обступивши тѣснымъ кольцомъ столъ, зрители не знаютъ, чему дивиться: тому ли, что столъ—мозаичный, тому ли, что онъ—изъ Италіи, или тому, что онъ вертится. Нѣкоторые робко трогаютъ пальцами крышку, а нѣкоторые, нагнувшись, заглядываютъ внизъ, подъ столъ, чтобы узнать, какъ онъ вертится. А громкій голосъ монаха уже раздается въ слѣдующей комнатѣ.—Ка-

Общій видъ главнаго корпуса и сада Императорской Московской Академіи.

мень—агать съ изображеніемъ монаха, молящагося предъ Распятіемъ!.. Найдень въ Уральскихъ горахъ... Смотрите: здѣсь нѣтъ искусства рукъ человѣческихъ, сама природа такъ устроила... — Впереди стоящіе охаютъ и вздыхаютъ, сзади, конечно, ничего не понимаютъ.

Послѣдняя комната. Монахъ остановился у одного шкафа и терпѣливо дожидается, чтобы подошли всѣ богомольцы. За стекломъ виднѣется что-то желтое, очень ветхое, съ висшими ключьями.

— Кафтанъ царя Іоанна Васильевича Грознаго!.. Уздечка и пороховница князя Пожарскаго!.. Троицкій чеснокъ, при помощи котораго обитель защищалась отъ поляковъ!..— „Это что же такое?“—кто-то робко спрашиваетъ изъ толпы.

— А это такія желѣзныя колючки, которыя монахи во время осады бросали со стѣнъ, чтобы польская конница не могла близко подѣхать къ стѣнамъ.—Монахъ вынулъ одну изъ шкафа и показалъ. Въ толпѣ—вздохи и тихіе возгласы изумленія. Наконецъ, монахъ растворяетъ стеклянные дверцы одного изъ шкафовъ, отдергиваетъ еще завѣсу и громко возглашаетъ:

— Видъ здѣшней Лавры! Вышивала генеральша Купрянова! Колокольня, Троицкій соборъ, Успенскій,—бѣгло говоритъ онъ, скользя рукой по рисунку.—Вотъ, и вся ризница обители.—заключаетъ онъ, кланаясь. Другой монахъ подаетъ тарелку, звенятъ монеты: вѣкоторые конфузливо отворачиваются, чтобы изъ глубины теплой одежды достать деньги, нѣкоторые окидываютъ взоромъ послѣднюю комнату, засматриваютъ въ пройденныя комнаты, какъ будто имъ не хочется уходить отсюда. Многіе крестятся и вздыхаютъ: отъ того ли, что ужъ слишкомъ много святого и хорошаго въ ризницѣ, или отъ того, что они ничего не разглядѣли и не разобрали, и, поэтому, хорошо бы еще посмотреть... Всѣ направляются къ выходу и въ молчаніи, какъ бы подъ напоромъ сильныхъ впечатлѣній, спускаются по узкой и темной лѣстницѣ, гдѣ на поворотахъ, точно изъ земли вырастаютъ параволаны съ протянутыми незамѣтно, откуда-то изъ-за спины руками. Внизу движеніе, играютъ часы, снуютъ богомольцы, изъ Троицкаго собора доносится пѣніе...

Но возвратимся къ разсказу. Послѣ обѣдни—молебенъ св. мученику Сергію и преподобному Сергію. Къ молебну за-

благовѣстили въ „Царя“. Бархатный звукъ колокола съ силою врывался въ соборъ, когда отворялась входная дверь. Въ задней части собора стали появляться молодые люди въ черныхъ форменныхъ шинеляхъ,—студенты академіи. Несомнѣнно, это были больше первокурсники; ихъ, конечно, привлекъ неожиданный благовѣстъ въ „Царя“ въ будній день. Нѣкоторые изъ нихъ шли къ Распятію и образу Николая Чудотворца, горячо молились на колѣняхъ и прикладывались; лица у нихъ были умныя, сосредоточенныя и цѣломудренныя. О, какъ бы я желалъ видѣть такимъ своего сына! Не прельщаютъ меня всѣ эти политехническія, электротехническія, инженерныя учебныя заведенія, всѣ эти вѣточки, топорики и молоточки на фуражкахъ, золотыя бляхи и пуговицы на тужуркахъ... Хотѣлось бы мнѣ, чтобы мой сынъ, заслышавъ могучій благовѣстъ „Царя“, поспѣшилъ бы въ Божій храмъ повергнуть предъ Богомъ и свой умъ, и свое образованіе, и свое сердце, и потомъ онъ бы въ жизни все это отдалъ Церкви Божіей...

Молебень достоять было нельзя, потому что въ 12 часовъ дня отходилъ поѣздъ. Я вышелъ изъ собора. Солнечно и морозно. Надъ обителью стоялъ могучій звонъ. На колокольнѣ, за перилами, подъ маленькими колоколами чернѣли фигуры монаховъ въ скуфейкахъ. По ясной и холодной осенней лазури плыли рѣдкія облака. Жаль было оставлять обитель.

Зашли на нѣсколько минутъ въ гостиницу, чтобы собраться въ путь, и потомъ опять—лавки и лавченки, вывѣски, тумбы, богомольцы... Въ вагонахъ разговариваютъ тихо и сдержанно, какъ будто всѣми чувствуется грусть разлуки съ обителью. Прозвонилъ третій звонокъ, и поѣздъ тронулся. Продвинулись назадъ окна станціи, и люди, промелькнули подъ самымъ окномъ вагона фуражка стрѣлочника и трепещущій отъ вѣтра зеленый флагъ, кончилисъ маленькіе окраинные домики Посада, и поѣздъ, выбравшись на открытое мѣсто, сталъ прибавлять ходу, сталъ дѣлать полукругъ... Лавра въ послѣдней разѣ открылась во всей красѣ, блестя на солнцѣ золотомъ крестовъ, головъ, крышъ. Всѣ въ вагонѣ закрестились, зашептали, столпившись у оконъ, изъ которыхъ видна была Лавра. Но вотъ, въ окнахъ замелькали деревья, потомъ потянулася безконечная насыпь, и всѣ разсѣлись по своимъ мѣстамъ.

„Билеты ваши прошу приготовить!“—раздался возгласъ вошедшаго кондуктора, вернувшій насъ къ дѣйствительности. Всѣ завозились, полѣзли въ карманы, кошельки, сумки, узлы. Поѣздъ опять выбѣжалъ на открытое мѣсто, съ котораго видна была вдали зубчатая полоса лѣса. Надъ полосой ярко блестяли золотая чаша и крестъ лаврской колокольни. Прощай, дорогая и родимая Лавра!..

Свящ. С. Соколовъ.